

Сергей БУДАНЦЕВ

Истинный лик

(В. В. Маяковский. Облако в штанах.
Петроград. 1915 г. стр. 64. Ц. 1 р.)

Истинный, подлинный лик чего? «Облака в штанах»? Футуризма — хулиганства? Желтых кофт, раскрашенных лиц и непечатной ругани?

Нет. Такой футуризм — хочется думать — уже «весь в прошлом». После внимательного, вдумчивого чтения новой книги Маяковского только заглавием да, пожалуй, нарочитой неряшливостью издания, напоминающей о прежних днях, приходится сознаться в чрезмерной категоричности, с которой осуждали футуризм и всех огулом его глашатаев. Очевидно, в последнем осуждении ошиблись. Маяковский убеждает читателя в настоящей, неоспоримой своей талантливости и прекрасной, правдивой искренности.

Но трудно после пышных, великолепных строк Бальмонта, чеканных стихов Брюсова, очаровательных снов Блока просто и непредубежденно подойти ко всем этим «облакам в штанах», «выжиревшим лакеям на засаленной кушетке», «жилистым громадинам», «глупым воблам воображения» и т. д., ко всем грубым и неизящным образам книги.

Скажут — некрасиво.

Но это, к счастью, самый отвратительный в своей неправильности упрек, который только можно придумать для истинного художника и творца.

Красиво и некрасиво — нет и не может быть таких понятий в искусстве. Каждое произведение может оцениваться лишь с точки зрения изобразительности и выразительности, ибо в сущности своей искусство есть не что иное, как «выражение полноты души художника» (В. Брюсов). Иначе как примирить мрамор Фидия и комедии Аристофана? Куда отнести Достоевского,

три четверти Чехова, Л. Толстого, Уота Уитмана, Шекспирова Фальстафа? Ведь они некрасивы!

Если бы искусство оценивалось только со стороны «красивости», оно было бы бедно и бессодержательно, как Ратгауз. К счастью то, что я сейчас говорю, стало почти трюизмом.

Красота в искусстве — полное соответствие формы и содержания и проистекающая отсюда единственная убедительность и глубокая непререкаемая правда его. Ибо в противном случае — искусство лживо, скудно и жалко. Не искусство это.

Что делать, если душа художника и поэта — уродлива, порочна и безобразна. Раз он может выразить ее, он в праве это сделать. Кто захочет, услышит и поймет ее.

Душа В. Маяковского? Вот она:

Я —
Площадной
Сутенер и карточный шулер*.

И еще:

Я — златоустейший,
Чье каждое слово
Душу новородит
Имениннить тело.

И после этого следует светлое утверждение:

— Говорю вам:
Мельчайшая пылинка живого
Ценнее всего, что я сделаю и сделал.

Этот «сегодняшнего дня крикогубый Заратустра» находит в себе силы сказать:

Но мне люди,
И те, что обидели
Вы мне всего дороже, ближе
Видели,
Как собака бьющую руку лижет.

Искреннею выстраданностью веет от каждой строки книжки, словно смотришь чье-то окровавленное, изъязвленное сердце.

Он признался уже:

Хорошо, когда в желтую кофту
Душа от осмотров укутана,

* Автор намеренно игнорировал знаки препинания. Мне пришлось прибегнуть к собственной пунктуации. — С. Б.

Хорошо,
 Когда, брошенный в зубы эшафоту *,
 Крикнуть:
 «Пейте какао Ван-Гутена!»

Посмотрите, как страдает поэт, ожидая возлюбленную:

Проклятая.
 Что же и этого не хватит?
 Скоро криком издерется рот.
 Слышу —
 Тихо,
 Как больной с кровати,
 Спрыгнул нерв.
 И вот.
 Сначала прошелся
 Едва, едва,
 Потом забежал, взволнованный, четкий.
 Теперь и он, и новые два
 Мечутся отчаянной чечеткой.
 Рухнула штукатурка в нижнем этаже.
 Нервы большие, маленькие — многие
 Скачут бешенные,
 И уже
 У нервов подкашиваются ноги.

Веришь ему, ибо у него — «пожар сердца». И только вполне понятная экономия цитат не позволяет мне привести целое множество их, доказывающее большие изобразительные средства автора. И надо сознаться, что редко можно встретить такие полные, выпуклые, огромные образы, которыми превосходно мыслит поэт.

Описание ночи:

Вселенная спит, положив на лапу,
 С клещами звезд громадное ухо.
 Пришла.
 Пирует Мамаем,
 Задом на город насеv.
 И эту ночь глазами не проломаем,
 Черную, как Азеф.

Или:

Вдруг и тучи, и облачное прочее
 Подняло на небе ужасную качку,
 Как будто расходятся белые рабочие,
 Небу объявив озлобленную стачку.

* Нарочитое нарушение синтаксиса. — С. В.

Или:

Тысячу раз опляшет Иродиадою
Солнце землю,
Голову Крестителя.

Веря сам, поэт убеждает читателя поверить в эти образы. А это главное. Но несомненно только то, что один из самых талантливых и сильных футуристов наших далеко не так оригинален, как могло бы казаться. Такая фраза:

Я весь из мяса. —

приводит на память Уота Уитмана:

— Я — Уитман, я — космос, я — сын Мантагана, я из мяса.

(Пер. К. Чуковского)

С этим американским поэтом у В. Маяковского и вообще есть большое сходство в самом подходе к действительности, в подходе грубом и как-то чувственно-боязливым, хотя оба они делают вид, что им совсем не страшно их грохочущее, стальное настоящее.

Совершенно новым мотивом в разнообразных напевах современной русской поэзии звучит следующее:

И пока выкипчивают, рифмами пиликая,
Из любвей и соловьев какое-то варево,
Улица корчится безъязыкая:
Ей нечем кричать и разговаривать.

Маяковский сам — «выхарканный чахоточной ночью в грязную руку Пресни», и он имеет право говорить звериным языком улицы. Это — его родной язык.

Он зовет:

Идите,
Голоденькие, потненькие, покорненькие,
Закившие в блохастом грязненьке,
Идите!
Понедельники и вторники
Окрасим кровью в праздники.

«Кровью сердца дорогу радуя», Маяковский идет к малым, к обиженным и безъязыким. Это резко отмежевывает его от всех наших пишущих современников, с унылым задором тянущих несколько элементарных нот уже достаточно потускневшего и захватанного индивидуализма. Большие поэты давно уходят вперед, осуществляя моменты новой этики. На страницах «Жат-

вы» отмечалось уже, что даже В. Брюсов, порывая с голым индивидуализмом и аморальным эстетизмом, употребляет такие слова, как «позор», «стыд» именно в этическом, моральном значении. Кто знает, может быть, и в самом деле русская поэзия делает новый шаг, и любовь, «только любовь» ко всему сущему и всегда страдающему делается основой поэтических достижений.

Технические средства В. Маяковского? Сказать, чтобы он был исключительно оригинален в своих размерах, мне думается, нельзя. Но даже на основании только пяти стихотворений книжки, кстати сказать, читающихся как одна поэма, можно заключить, что чувство стихотворного ритма у поэта обострено до настоящей исхищенности. Короткие волны и колебания строк при чтении слагаются в большие полные клубки ритмических понижений и повышений.

Не отрицая рифмы, автор часто пользуется ассонансами (бронзовый — звон свой, нежненько — мятежников и т. д.) и диссонансами (громкою — рюмкою), иногда превосходными.

Но главное, что, конечно, возбуждает читательское внимание, — это пресловутые футуристические неологизмы.

И вот здесь В. Маяковский обнаруживает всю свою незаурядную вдумчивость, вкус и чувство языка, качества, встречающиеся довольно редко у других футуристов, пытающихся своими словами обогащать русскую речь. Тогда как даже у Игоря Северянина некоторые стихотворения написаны на каком-то странном жаргоне, напоминающем, по мнению одного критика, румынский язык, у Маяковского заметна необычайная экономия словонувств. И сделаны они так, что их трудно уследить. Привожу примеры:

Досыта *изгиздеваюсь* нахальный и едкий...
 Мир, *огромив* мощью голоса...
 Нежные! вы любовь на скрипки *ложите*
 Но дай твоих губ *неисветшую* прелесть...
 Глаза *наслезенные* и т. д., и т. д.

Решительно отказываясь от нелепого выдумывания всегда жалких и худосочных «новых слов» или до омерзения противных заимствований из иностранных языков, вроде северянинского стихотворного эсперанто, Маяковский пользуется исключительно всякими приставками, суффиксами и флексиями, удачно усиливающими выразительность корня слова.

Освобождаясь слегка из часто стеснительных рамок синтаксиса, поэт и это делает с приятной умеренностью, и его стихи,

несмотря на отсутствие знаков препинания, всегда вразумительны. А это — ценно.

Ибо попытки в этом направлении талантливых и опытных поэтов приводили к шифру и досадным и смешным неясностям. Отказываясь от приведения доказательств здесь, укажу только на опыты Андрея Белого и Вячеслава Иванова. Вот те мысли, которые возбудила во мне эта сильная, прекрасная в своей искренности книга В. Маяковского.

И я думаю, что не буду голословным, назвав автора ее настоящим и сильным поэтом.

